

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Кобо Абэ

ЖЕНЩИНА
В ПЕСКАХ

ЛУЧШЕЕ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
А 17

Kobo Abe
THE WOMAN IN THE DUNES
Copyright © 1962 by Kobo Abe
THE BOX MAN
Copyright © 1973 by Kobo Abe
THE DOUBLE OF HUMAN BEING
Copyright © 1966 by Kobo Abe
THE FACE OF ANOTHER
Copyright © 1964 by Kobo Abe
Russian translation rights arranged with the Estate of Kobo Abe
through Japan UNI Agency, Inc., Tokyo
All rights reserved

Перевод с японского
Владимира Гривнина и Аркадия Стругацкого
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».
Ранее сборник выходил под названием «Совсем как человек».

ISBN 978-5-389-18138-0

© В. С. Гривнин (наследник), перевод, 2020
© А. Н. Стругацкий (наследник), перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

**ЖЕНЩИНА
В ПЕСКАХ**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Без угрозы наказания
нет радости побега.

1

В один из августовских дней пропал человек. Он решил использовать свой отпуск для поездки на побережье, до которого поездом было полдня пути, и с тех пор о нем ничего не слышали. Ни розыски полиции, ни объявления в газетах не дали никаких результатов.

Исчезновение людей — явление, в общем, не такое уж редкое. Согласно статистике, ежегодно публикуется несколько сот сообщений о пропавших без вести. И как ни странно, процент найденных весьма невелик. Убийства и несчастные случаи оставляют улики; когда случаются похищения, мотивы их можно установить. Но если исчезновение имеет какую-то другую причину, напасть на след пропавшего очень трудно. Правда, стоит назвать исчезновение побегом, как сразу же очень многие из них можно будет, видимо, причислить к этим самым обыкновенным побегам.

В данном случае тоже не было ничего необычного в отсутствии каких-либо следов. Примерно было известно место, куда отправился этот человек, но оттуда не поступило сообщения о том, что обнаружен труп. Работа его не была связана с какими-либо секретами, из-за которых его могли бы похитить. А во всех его действиях, в поведении не было и намека на то, что он замышляет побег.

Сначала все, естественно, предположили, что здесь замешана женщина. Узнав от жены, что пропавший уехал собирать насекомых для своей коллекции, полицейские чиновники и со-

служивцы были даже несколько разочарованы. Действительно, тащить банку с цианистым калием, сачки для ловли насекомых — и все только для того, чтобы скрыть побег с женщиной, — это было бы излишним притворством. А главное, станционный служащий сообщил, что в тот день на станции из поезда вышел мужчина, похожий на альпиниста, на его плечах крест-накрест висели деревянный ящик, напоминавший те, которыми пользуются художники, и фляга; он точно помнил, что человек был совершенно один. Таким образом, и это предположение отпало.

Появилась версия о самоубийстве на почве мизантропии. Ее высказал один из сослуживцев, большой любитель психоанализа. Уже одно то, что взрослый человек способен увлечься таким никчемным делом, как коллекционирование насекомых, доказывает психическую неполноценность. Даже у ребенка чрезмерная склонность к коллекционированию насекомых часто является признаком эдипова комплекса. Чтобы как-то компенсировать неудовлетворенное желание, он с удовольствием втыкает булавку в погибшее насекомое, которое и так никуда не убежит. И уж если, став взрослым, он не бросил этого занятия, значит состояние его ухудшилось. Ведь довольно часто энтомологи одержимы манией приобретательства, крайне замкнуты, страдают kleptomанией, педерастией. А от всего этого до самоубийства на почве мизантропии — один шаг. Мало того, среди коллекционеров есть и такие, которые испытывают влечение не столько к самому коллекционированию, сколько к цианистому калию в своих банках, и потому-то они и не могут отказаться от своего занятия... А то, что у него ни разу не возникало желания откровенно рассказать о своем увлечении, разве не доказывает, что и сам он сознавал всю его постыдность?

Но поскольку труп не был обнаружен, все эти, казавшиеся такими стройными, умозаключения рухнули.

Действительной причины исчезновения так никто и не узнал. И по прошествии семи лет на основании статьи 30 Гражданского кодекса человек был признан умершим.

Однажды в августе после полудня на платформе станции S появился человек в серой пикейной панаме. На плечах у него крест-накрест висели большой деревянный ящик и фляга, брюки были заправлены в носки, как будто он собирался идти в горы. Однако поблизости не было ни одной горы, на которую стоило бы подниматься. И станционный служащий, проверявший у выхода билеты, подозрительно посмотрел ему вслед. Человек без колебаний вошел в автобус, стоявший около станции, и занял заднее место. Автобус шел в сторону, противоположную горам.

Человек доехал до конечной остановки. Выйдя из автобуса, он увидел, что вся местность здесь представляет собой бесконечное чередование возвышенностей и впадин. Низины были сплошь заняты нарезанными на узкие полосы рисовыми полями, и между ними, подобно островкам, возвышались небольшие рощицы хурмы. Мужчина миновал деревню и пошел дальше по направлению к побережью. Почва постепенно становилась все светлее и суше.

Вскоре дома исчезли, лишь изредка попадались группы сосен. Постепенно твердая почва перешла в мелкий, липнувший к ногам песок. Кое-где темнели островки сухой травы и виднелись точно по ошибке попавшие сюда, крохотные участки чахлых баклажанов. Но вокруг не было ни души. Впереди, очевидно, было море, к которому он и направлялся.

Наконец человек остановился, огляделся, отер рукавом куртки пот с лица. Не спеша открыл деревянный ящик и из верхней крышки вынул связку палок. Соединил их вместе, и в руках у него оказался сачок для ловли насекомых. Он снова двинулся вперед, раздвигая палкой попадавшие ему редкие кустики травы. От песка пахло морем.

Но время шло, а моря все не было видно. Может быть, это пересеченная местность не позволяла видеть, что делается впереди, но, насколько хватало глаз, ландшафт не менялся. Неожиданно перед ним выросла деревушка. Это была обычная бедная деревушка: вокруг пожарной вышки теснились тесовые

крыши, прижатые небольшими камнями. Несколько домов были крыты черной черепицей, а некоторые — даже железом, окрашенным в красный цвет. Дом с железной крышей, стоявший на углу единственного в деревне перекрестка, был, по видимому, правлением рыболовецкой артели.

За деревней уж наверняка и море, и дюны. Но что-то деревушка раскинулась чересчур широко. Вокруг нее несколько участков плодородной земли, все остальное — белая песчаная почва. Виднелись небольшие поля земляного ореха и картофеля; запах моря смешивался с запахом скотины. На обочине твердой, как бы сцементированной песком и глиной дороги возвышались белые горы колотых ракушек. Пока человек шел по дороге, и дети, игравшие на открытом месте перед правлением артели, и старик, чинивший сеть, и растрепанные женщины, толпившиеся у единственной в деревушке мелочной лавки, — все на миг замирали и с удивлением смотрели ему вслед. Но человек не обращал на них никакого внимания. Его интересовали только дюны и насекомые.

Однако странным был не только размер деревушки. Дорога вдруг пошла вверх. Это тоже было совершенно неожиданно. Ведь если она ведет к морю, то, естественно, должна идти под уклон. Может быть, он ошибся, когда смотрел по карте? Он попытался расспросить повстречавшуюся как раз девушку. Но она опустила глаза и прошла мимо, сделав вид, что не слышит вопроса. Ладно, пойдем дальше. Что ни говори, и цвет песка, и рыболовные сети, и горы ракушек — все указывает на близость моря. В общем, причин для беспокойства нет.

Дорога становилась все круче, и кругом уже не было ничего, кроме песка.

Но странно, то место, где стояли дома, нисколько не повышалось. Лишь дорога шла вверх, сама же деревушка все время оставалась как бы в низине. Впрочем, вверх шла не только дорога. Вместе с ней повышались промежутки между домами. Поэтому казалось, будто вся деревня идет в гору и лишь дома остаются на одном уровне. Это впечатление все усиливалось по мере продвижения вперед, к вершине дюны, и вскоре ему показалось, что дома стоят в огромных ямах, вырытых в песке.

Наконец дорога, по которой он шел, и промежутки между домами оказались выше крыш. А дома все глубже погружались в песчаные ямы.

Склон неожиданно стал почти отвесным. Теперь от него до верхушек крыш было метров двадцать, не меньше. «Ну что там может быть за жизнь?» — подумал он, с содроганием заглядывая в глубокую яму. Вдруг бешеный порыв ветра перехватил дыхание, и мужчина поспешил отойти от края ямы. Неожиданно далеко внизу он увидел мутное пенящееся море, лизавшее прибрежный песок. Человек стоял на гребне дюны — именно там, куда стремился.

Склон дюны, обращенный к морю, откуда дуют муссоны, как обычно, был отвесным и голым. Но на более пологих местах пробивались кустики узколистой травы. Оглянувшись, он увидел, что огромные ямы, все более глубокие по мере приближения к гребню дюны, несколькими ярусами сходятся к центру деревушки, напоминая пчелиный улей в разрезе. Деревня, казалось, взбиралась на дюну. А может быть, дюна взбиралась на деревню? Во всяком случае, вид деревни раздражал, удручал человека.

Ну, ладно, до желанных дюн дошел, и все в порядке. Он отпил большой глоток воды из фляги, глубоко вздохнул, но воздух, казавшийся таким чистым, словно наждак, обжег горло.

Человек хотел пополнить свою коллекцию насекомыми, которые водятся в песке.

Песчаные насекомые невелики, тускло окрашены, но человека, одержимого манией коллекционирования, не привлекают яркокрылые бабочки или стрекозы. Он не стремится украсить свои коллекции какими-то экзотическими образцами, не проявляет особого интереса к систематизации, не занимается поисками сырья для приготовления лекарств, используемых китайской медициной. У энтомолога есть свои бесхитростные и непосредственные радости — обнаружение нового вида. Удастся это — и в энтомологическом атласе рядом с длинным ученым латинским названием найденного насекомого появится и твое имя, и не исключено, что оно останется там на века. А если твое имя, пусть даже благодаря насекомо-

му, надолго сохранится в памяти людей, — значит старания не пропали даром.

Огромное число видов насекомых, почти не различимых глазом, дает богатые возможности для все новых открытий. Вот и он тоже много времени отдал двукрылым и даже обыкновенным домашним мухам, которых так ненавидят люди. Виды мух, на удивление, многочисленны. Но поскольку мысль всех энтомологов развивается примерно в одном направлении, они почти завершили изучение большинства этих видов, включая и редчайший восьмой мутант, обнаруженный в Японии. Может быть, это потому, что жизнь людей тесно переплетена с жизнью мух.

Прежде всего следует обратить внимание именно на эту среду. Многочисленность видов мух, возможно, объясняется их большой приспособляемостью. Он просто подпрыгнул от радости, сделав это открытие. Мысль моя не так уж глупа. Столь высокой приспособляемостью мух как раз и объясняется то обстоятельство, что они легко переносят самые неблагоприятные условия, в которых другие насекомые не могут существовать. Они приспособились, например, к жизни даже в пустыне, где все живое погибает...

Придя к этому выводу, он стал проявлять особый интерес к пескам. Результат не замедлил сказаться. Однажды в высохшем русле речки неподалеку от дома он увидел малюсенькое желтоватое насекомое, напоминавшее шпанскую мушку, принадлежащую к семейству жесткокрылых (*Cicindela Japonica*, Motschulsky). Как известно, шпанские мушки бывают самых разных цветов и размеров. Но передние лапки у них различаются весьма незначительно. Они-то и служат важным критерием для классификации, так как различие формы передних лапок означает и видовое различие. Второй сустав передней лапки насекомого, попавшегося ему на глаза, действительно имел примечательные особенности.

Передние лапки насекомых рода шпанских мушек, обычно тонкие, черные и весьма подвижные, у этой мухи были круглыми, толстыми, как бы покрытыми прочным панцирем, и ярко-желтого цвета. Возможно, на них налипла пыльца. Может быть,

у насекомого было даже особое приспособление — что-нибудь вроде волосков, — чтобы собирать пыльцу. Если при осмотре он не допустил ошибки, то, должно быть, сделал важное открытие.

Но, к сожалению, поймать это насекомое не удалось. Он был слишком взволнован, да и муха летала как-то совершенно необычно. Она улетела. Потом вернулась и стала ждать его приближения, словно хотела сказать: «Попробуй поймай меня». Когда он доверчиво подошел, она улетела, вернулась и снова стала ждать. Она как будто дразнила его, а потом окончательно скрылась в траве.

Так он стал пленником этой шпанской мушки с желтыми передними лапками.

Обратив внимание на песчаную почву, он еще больше утвердился в своем предположении. Ведь шпанская мушка — типичное насекомое пустыни. Согласно одной из теорий, необычный полет этих мушек — просто хитрость, которой они выманивают из нор мелких животных. Мыши, ящерицы, увлекаемые таким образом мушками, убегают далеко от своих нор в пустыню и погибают там от голода и усталости. Мушки только этого и ждут и пожирают погибших животных. Эти мушки имеют изящное японское наименование «письмоносец», и хотя, на первый взгляд, они кажутся грациозными, на самом деле у них острые челюсти и они настолько кровожадны, что пожирают даже друг друга. Он не знал, верна эта теория или нет, но, несомненно, был пленен загадочным полетом шпанской мушки.

Естественно, возрос и его интерес к песку, который создавал условия для жизни шпанской мушки. Он стал читать литературу о песке, и чем больше читал, тем больше убеждался в том, что песок очень интересное явление. В энциклопедии, например, в статье о песке можно прочесть следующее:

«Песок — скопление разрушенной горной породы. Иногда включает в себя магнитный железняк, каситерит, реже золотой песок. Диаметр от двух до одной шестнадцатой миллиметра».

Ну до чего же ясное определение! Короче говоря, песок образуется из разрушенной горной породы и представляет собой нечто среднее между мелкими камешками и глиной. Но на-

звать песок промежуточным продуктом еще не значит дать исчерпывающее объяснение. Почему из трех элементов — камней, песка и глины, — из которых в сложных сочетаниях состоит земля, только песок может находиться в изолированном состоянии и образовывать пустыни и песчаные местности? Если бы это был просто промежуточный продукт, то благодаря эрозии между голыми скалами и областями глины можно было бы обнаружить бесчисленное количество промежуточных продуктов, образованных путем их взаимного проникновения. Но ведь на самом деле существуют только три ясно различимых вида пород: скальные, песчаные, глинистые. Удивительно также и то, что величина песчинок почти всегда одинакова: будь то песок на побережье острова Эносима или в пустыне Гоби, она равна в среднем одной восьмой миллиметра, и располагаются песчинки по кривой, близкой к гауссовой.

В одном исследовании давалось весьма упрощенное объяснение разрушения почвы благодаря эрозии: легкие элементы разносятся на большие расстояния. Но в нем совершенно не объяснялась особенность размера песчинок, равного одной восьмой миллиметра. В другом труде по геологии давалось противоположное объяснение:

«И потоки воды, и потоки воздуха создают турбуленцию. Наименьшая длина волны турбуленции эквивалентна диаметру песка в пустыне. Благодаря этой особенности из почвы извлекается только песок, причем извлекается он под прямым углом к потоку. Если сила сцепления отдельных компонентов почвы невелика, песок может подниматься в воздух даже очень слабым ветром, неспособным увлечь камни и глину. Затем он снова опускается на землю дальше по движению ветра. Особенности песка должны, видимо, рассматриваться аэродинамикой».

Продолжим приведенное выше определение:

«...то есть частицы разрушенных горных пород такой величины, которая делает их наиболее подвижными».

Поскольку на земле всегда существуют ветер и потоки воды, образование песков неизбежно. И до тех пор, пока будут дуть ветры, течь реки, катить свои волны моря, из земли будут

извлекаться все новые и новые массы песка и, подобно живому существу, расплзаться повсюду. Песок не знает отдыха. Незаметно, но упорно он захватывает и разрушает землю...

Эта картина вечно движущегося песка невыразимо волновала и как-то подхлестывала его. Бесплодность песка, какой она представляется обычно, объясняется не просто его сухостью, а непрерывным движением, которого не может перенести ничто живое. Как это похоже на унылую жизнь людей, изо дня в день цепляющихся друг за друга.

Да, песок не особенно пригоден для жизни. Но является ли избытком абсолютно необходимой для существования? Разве от стремления утвердить избыточность не возникает отвратительное соперничество? Если отбросить избыточность и отдать себя движению песка, то кончится и соперничество. Ведь и в пустыне растут цветы, живут насекомые и звери. Все это живые существа, вырвавшиеся за рамки соперничества благодаря огромной силе приспособляемости. Вот как его шпанские мушки...

Он рисовал в своем воображении движение песка, и у него уже начинались галлюцинации — он видел и себя самого в этом нескончаемом потоке.

3

Опустив голову, человек снова пошел вперед по гребню дюны, огибавшей деревню полумесяцем, подобно крепостному валу. Он почти совсем не обращал внимания на то, что делалось вдали. Для энтомолога важно сосредоточить все свое внимание на пространстве в радиусе трех метров вокруг своих ног. И одно из важнейших правил — не становиться спиной к солнцу. Если солнце окажется сзади, то своей тенью можно спугнуть насекомое. Поэтому лоб и нос охотников за насекомыми загорают дочерна.

Человек размеренно и медленно продвигался вперед. При каждом шаге песок обрызгивал его ботинки. Вокруг не было ничего живого, кроме неглубоко сидевших кое-где кустиков

травы, готовой хоть сейчас зацвести, будь чуть побольше влаги. Если и появлялось здесь что-нибудь летающее, это были окрашенные, как панцирь черепахи, мушки, привлеченные запахом человеческого пота. Но как раз в таком месте надежды часто сбываются. Правда, шпанские мушки не любят жить стаями, и бывают даже случаи, когда одна мушка захватывает целые километры в округе. Ничего не поделаешь — нужно упорно продолжать поиски.

Вдруг он остановился. В траве что-то зашевелилось. Это был паук. Пауки ему ни к чему. Он присел, чтобы выкурить сигарету. С моря все время дул ветер, внизу рваные белые волны вгрызались в основание дюны. Там, где западная оконечность дюны сходила на нет, в море выдавалась небольшая скалистая возвышенность. На ней, подобно острым иглам, были рассыпаны лучи солнца.

Спички никак не зажигались. Десять спичек извел — и все впустую. Вдоль брошенных спичек почти со скоростью секундной стрелки двигались струйки песка. Он заметил небольшую волну песка и, как только она докатилась до каблука его ботинка, поднялся. Из складок брюк посыпался песок. Он сплюнул — во рту как будто теркой провели.

Однако не слишком ли мало здесь насекомых? Может быть, движение песка чересчур стремительно? Нет, отчаиваться еще рано. Ведь теоретически здесь не может не быть насекомых.

Вершина дюны стала более ровной, кое-где она далеко отступала от моря. Подгоняемый надеждой на добычу, он стал спускаться по пологому склону. Кое-где торчали остатки бамбуковых щитов для задержания песка, и виднелась расположенная несколько ниже терраса. Мужчина пошел дальше, пересекая песчаные узоры, прочерченные ветром с точностью машины. Неожиданно все исчезло из его поля зрения, и он увидел, что стоит на краю глубокой ямы.

Яма была неправильной овальной формы, больше двадцати метров в ширину. Противоположная ее стена казалась сравнительно отлогой, а та, где он стоял, обрывалась почти отвесно. Ее выгнутый край, гладкий, как у фарфоровой чашки, был очень скользким. Осторожно упершись в него ногой, он за-

глянул вниз. И только теперь понял, что, хотя кругом светло, уже приближается вечер.

На самом дне ямы в мрачной глубине стояла, погруженная в молчание, лачуга. Крыша одним концом вдавалась в отлогую песчаную стену. «Ну совсем как раковина устрицы, — подумал он. — Что тут ни делай, а против закона песка не пойдешь...»

Только он начал прилаживаться с фотоаппаратом, как песок из-под его ног шурша пополз вниз. В испуге он отдернул ногу, но песок еще какое-то время продолжал течь. Как неустойчиво это равновесие песка! Задышавшись от волнения, он вытер взмокшие ладони о штаны.

За его спиной кто-то кашлянул. Рядом, почти касаясь его плеча, стоял неизвестно откуда взявшийся старик, судя по всему рыбак из деревни. Посмотрев на фотоаппарат, а потом на дно ямы, он сморщил в улыбке продубленное лицо. Что-то липкое скопилось в углах его налитых кровью глаз.

— Что, обследование?

Голос относил ветером, он звучал глухо, бесцветно, как будто из переносного приемника. Но выговор был ясный, понять не трудно.

— Обследование? — Человек в замешательстве прикрыл ладонью объектив и стал поправлять сачок, чтобы старик заметил его. — Что вы хотите сказать? Я что-то не понимаю... Я, видите ли, коллекционирую насекомых. Моя специальность — насекомые, которые водятся вот в таких песках.

— Что? — Старик как будто ничего не понял.

— Кол-лек-ци-о-ни-ру-ю на-се-ко-мых! — повторил он громким голосом. — На-се-ко-мых, понимаете, на-се-ко-мых! Я их ловлю!

— Насекомых? — Старик, явно не поверив, отвел глаза и сплюнул. Или, лучше сказать, на губе у него повисла слюна. Подхваченная ветром, она вытянулась в длинную нить. Собственно, что его так беспокоит?

— А в этом районе проходит какое-нибудь обследование?

— Да нет, если вы не из исследователей, делайте что хотите, мне все равно.

— Нет-нет, я не из инспекции.

Старик, даже не кивнув, повернулся к нему спиной и медленно пошел по гребню дюны, загребая носками соломенных сандалий.

Метрах в пятидесяти, видимо ожидая старика, неподвижно сидели на корточках трое одинаково одетых мужчин. Когда они появились? У одного из них, кажется, был бинокль, который он все время вертел на коленях. Старик подошел к ним, и все четверо начали о чем-то совещаться, яростно отгребая песок друг у друга под ногами; казалось, они заспорили.

Он совсем уже было собрался продолжать поиски своей мухи, как, запыхавшись, прибежал старик.

— Пойдите, вы правда не из префектуры?

— Из префектуры?.. Да нет, вы обознались.

«Ну хватит», — решил он и протянул навязчивому старику визитную карточку. Шевеля губами, тот долго читал ее.

— А-а, вы учитель...

— Видите, я совсем не связан с префектурой.

— Угу, значит, вы учитель...

Наконец-то он, кажется, уразумел; сощурившись и держа карточку в вытянутой руке, старик вернулся к остальным. Визитная карточка как будто и их успокоила. Они поднялись и ушли.

Однако старик снова возвратился.

— Ну а теперь что вы собираетесь делать?

— Да вот искать насекомых буду.

— Но ведь вы опоздали на последний автобус.

— А здесь я нигде не мог бы переночевать?

— Переночевать? В этой деревне? — В лице старика что-то дрогнуло.

— Ну, если здесь нельзя, пойду в соседнюю.

— Пойдете?..

— А я, в общем, никуда особенно не тороплюсь...

— Нет-нет, ну зачем же вам затрудняться... — Старик стал вдруг услужливым и продолжал словоохотливо: — Сами видите, деревня бедная, ни одного приличного дома нет, но, если вы не против, я помогу, замолвлю за вас словечко.

Непохоже, что он замышляет дурное. Они, наверно, чего-то опасаются, — может быть, ждут чиновника из префектуры, который должен приехать с проверкой. Теперь страхи их рассеялись, и они снова простые приветливые рыбаки.

— Буду чрезвычайно признателен... Отблагодарю вас, конечно. Я вообще очень люблю останавливаться в таких вот крестьянских домах.

4

Солнце село, ветер немного утих. Мужчина бродил по дюне до тех пор, пока были различимы узоры, прочерченные на песке ветром.

Улов, в общем, небогатый.

Сверчок и белоусая ухвертка отряда прямокрылых.

Солдатики и еще одно насекомое, — он точно не помнил названия, но тоже разновидность солдатиков.

Из жесткокрылых, которых искал, — только долгоносики и длинноногие письмоносцы.

И не попалось ни одного экземпляра из семейства мух, которые, собственно, и были целью поездки. Может быть, завтрашние трофеи принесут радость...

От усталости перед глазами у него плавали какие-то тусклые блики света. Вдруг он непроизвольно остановился и стал всматриваться в поверхность темной дюны. Тут уж ничего не поделаешь: все, что двигалось, казалось ему шпанской мушкой.

Старик, как и обещал, ждал его около правления артели.

— Прошу прощения...

— Да ну что вы. Только бы вам понравилось...

В правлении, по-видимому, о чем-то совещались. Четверо или пятеро мужчин сидели кружком, слышался смех. Над крыльцом висело большое полотнище с надписью: «Будь верен духу любви к родине». Старик буркнул что-то — смех сразу прекратился. Как бы нехотя он пошел вперед, мужчина —

за ним. Покрытая ракушками дорога ярко белела в стущающихся сумерках.

Наконец подошли к одной из ям, расположенных у самого гребня дюны. Здесь деревня кончалась.

Они свернули вправо, на узкую тропинку, ведущую от гребня вниз, через некоторое время старик нырнул в темноту, хлопнул в ладоши и громко крикнул:

— Эй, бабка, где ты?

Внизу, прямо под ногами, в крошечной тьме появился фонарь и послышалось:

— Здесь, здесь... Лестница возле мешков.

Действительно, эту кручу без лестницы не одолеешь. Три дома, как тот внизу, можно, пожалуй, поставить один на другой; даже с лестницей нелегко туда добраться. Склон почти отвесный, а ведь днем, он это ясно помнит, казался совсем пологим. Лестница ненадежна, связана из разных веревок, и, если потеряешь равновесие, она запутается где-нибудь посредине. Все равно что жить в естественной крепости.

— Не беспокойтесь ни о чем, отдохайте...

Старик не стал спускаться вниз, постоял немного и ушел.

Мужчина с ног до головы был обсыпан песком, и ему вдруг почудилось, что он вернулся в свое детство. Женщину, которая встретила его с фонарем, назвали бабкой, и он уже успел представить себе старуху, но она оказалась приятной, совсем еще молодой, лет тридцати, невысокого роста. Она, видимо, пудрилась, — для женщины, живущей у моря, лицо ее было слишком белым. В общем, он был благодарен ей за то, что она встретила его приветливо, с непритворной радостью.

Впрочем, если бы не радушный прием, он не смог бы заставить себя переступить порог этой лачуги. Он бы, наверно, сразу же сбежал, решив, что его дурачат. Стены облупились; вместо фусума¹ висели циновки; опоры, поддерживавшие крышу, покосились; все окна забиты досками; соломенные маты, устилающие пол, готовы рассыпаться и, когда на них ступаешь,

---

¹ *Фусума* — раздвижная перегородка в японском доме, служащая одновременно и дверью.

хлопают, будто мокрая губка. И ко всему этому — отвратительный, какой-то прелый запах спекшегося песка.

Но ведь все зависит от настроения. Он был обезоружен приветливостью женщины. Ничего, говорил он себе, такое случается раз в жизни. А вдруг повезет и какое-нибудь интересное насекомое удастся встретить. Во всяком случае, в такой среде насекомые живут и радуются.

Предчувствие не обмануло его. Не успел он сесть на предложенное ему место у очага, вырытого прямо в земляном полу, как послышался шорох, будто дождь пошел. Это было скопище блох. Но его этим не запугаешь. Энтомолог всегда подготовлен к подобным неожиданностям. Нужно только изнанку одежды засыпать ДДТ, а открытые части тела перед сном натереть мазью от насекомых.

— Я готовлю поесть, и поэтому пока... — женщина нагнулась и взяла лампу, — потерпите немножечко в темноте.

— А у вас что, всего одна лампа?

— Да, к сожалению...

Она улыбнулась виновато, — на левой щеке появилась ямочка. У нее очень привлекательное лицо, подумал он. Только выражение глаз какое-то странное. Но может быть, это из-за болезни. Воспаленные веки не могла скрыть даже пудра. Не забыть бы перед сном закапать в глаза капли...

— Но до еды мне хотелось бы выкупаться.

— Выкупаться?

— А что, это невозможно?

— Очень жаль, но придется подождать до послезавтра.

— До послезавтра? Но ведь послезавтра меня уже здесь не будет, — засмеялся он произвольно громко.

— Разве?..

Женщина отвернулась, плечи ее задрожали. Расстроилась, наверно. Эти деревенские жители даже не пытаются притворяться. Чувствуя неловкость, он смущенно пожевал губами.

— Ну, если негде выкупаться, достаточно будет просто облиться водой. А то я весь в песке...

— Воды, вы уж простите, осталось одно ведро... До колодца ведь очень далеко...

Какая-то она забитая. Ладно, ничего больше не буду говорить. Но вскоре убедился, что купание здесь совершенно бессмысленно.

Женщина принесла вареную рыбу и суп из моллюсков. В общем, пища морского побережья, и это было неплохо. Как только он принялся за еду, она раскрыла над ним большой бумажный зонт.

— Зачем это? («Наверно, какой-то местный обычай».)

— Иначе песок попадет в еду.

— Почему? — Он посмотрел на потолок и, к своему удивлению, не обнаружил там ни одной щели.

— Песок, понимаете... — Женщина тоже взглянула на потолок. — Он летит отовсюду... Не метешь день, и его собирается на три пальца.

— Может быть, крыша прохудилась?

— Да нет, когда она совсем новой была, песок все равно сюда попадал... И вправду нет ничего страшней этого песка. Он похуже точильщика.

— Точильщика?

— Это такие жучки, которые точат дерево.

— Наверно, термиты?

— Нет, такие, знаете, тверденькие.

— А-а, тогда это жуки-дровосеки.

— Дровосеки?

— Красноватые, с длинными усами. Они?

— Нет-нет, эти как зернышки риса и цветом коричневые.

— Вот оно что. В таком случае это радужный жук.

— Если не следить, то он такую вон балку в два счета сгноит.

— Кто, радужный жук?

— Нет, песок.

— Почему?

— Он проходит через все. А когда ветер дует с плохой стороны, песок наметает на чердак, и если не убирать, его наберется там столько, что доски на потолке не выдержат.

— Да, не годится, чтобы песок скапливался на чердаке... Но не кажется ли вам немного странным говорить, что песок может сгноить балку?

— Почему же, сгниит.

— Но ведь песок отличается как раз тем, что он очень сухой.

— Все равно сгниит... Говорю же вам, поставьте новенькие гэта¹ и не сметайте песок — через полмесяца от них ничего не останется.

— Не понимаю почему.

— Дерево гниет, и вместе с ним гниет и песок... Попробуйте откопать потолочные доски от дома, который засыпало песком, — там будет жирная земля, хоть огурцы выращивай.

— Чепуха!.. — презрительно поморщился мужчина. Ему показалось, что его представление о песке оскверняется ее невежеством. — Я ведь и сам кое-что знаю о песке... Видите ли, этот самый песок вот так и движется круглый год... В движении его жизнь... Он нигде не задерживается — ни в воде, ни в воздухе, — он движется сам по себе... Вот почему не всякое живое существо может обитать в песке... Это относится и к бактериям, вызывающим гниение... Песок, если хотите, олицетворение чистоты, он может скорее предотвратить гниение, и считать, что он гниит, просто нелепо... А вы еще говорите, что он сам гниет... Начать хотя бы с того, что песок вполне добропорядочный минерал.

Женщина растерянно молчала. Мужчина под зонтом, который она все еще держала над ним, торопливо доедал обед, не проронив больше ни звука. Зонт покрылся таким слоем песка, что на нем можно было писать пальцем.

Просто невыносимая сырость. Нет, песок не сырой, само тело пропитано сыростью. Над крышей завывал ветер. Полез за сигаретами — и в кармане полно песка. Еще не закурив, мужчина ощутил во рту горечь табака.

Выну, пожалуй, насекомых из банки с цианистым калием. Пока они еще не засохли, наколю их на булавки и расправлю хоть лапки. Слышно, как женщина под навесом у дома моет посуду. Наверно, здесь больше никто не живет.

---

¹ Гэта — деревянная обувь.

Женщина вернулась и молча стала расстилать постель в углу. Если здесь лягу я, где же тогда она устроится на ночь? Ну конечно, в той дальней комнате за циновкой. Других как будто нет. Но как-то странно — положить гостя в проходной комнате, где дверь на улицу, а самой спать в дальней. Но может быть, там лежит тяжелобольной, который не может двигаться... Да, это, пожалуй, верное предположение. Во всяком случае, самым естественным было бы думать именно так. Вряд ли одинокая женщина будет ухаживать за первым встречным прохожим.

— Здесь кто-нибудь еще есть?..

— Кто-нибудь?..

— Из семьи...

— Никого, я совсем одна. — Женщина, казалось, прочла его мысли и неожиданно смущенно засмеялась... — Из-за этого песка все отсырело, даже одеяло...

— А ваш муж где?

— В прошлогодний тайфун... — Она снова и снова разглаживала и взбивала уже приготовленную постель, в общем, занималась совершенно ненужным делом. — А тайфуны у нас страшные... Песок обрушивается сюда с грохотом, как водопад. Не успеешь оглянуться, за вечер наметет дзё, а то и два.

— Но ведь два дзё — это шесть метров...

— В такое время сколько ни отгребай песок, все равно за ним не угнаться. Так вот муж крикнул мне: «Курятник в опасности!» — и вместе с дочкой, она в среднюю школу уже ходила, выскочил из дому... А сама я выйти не могла — следила, чтобы хоть дом цел остался... Наконец начало светать, ветер утих, и я вышла. Курятника и след простыл. Их я тоже не нашла...

— Засыпало?

— Да, начисто.

— Это ужасно... Страшное дело. Песок и такое... Это ужасно...

Лампа неожиданно начала гаснуть.

— Опять этот песок.

Женщина встала на четвереньки, протянула руку и, засмеявшись, схватила пальцами фитиль. Лампа сразу ярко разгорелась.

лась. Оставаясь в том же положении, она пристально смотрела на огонь, на лице ее застыла заученная улыбка. Наверно, это она нарочно, чтобы показать свою ямочку на щеке. Мужчина невольно весь напрягся. Это было чересчур цинично, ведь только что она рассказывала о гибели своих близких.

5

— Эй там, мы привезли лопату и бидоны еще для одного.

Голос, доносившийся издалека, слышался отчетливо, — наверно, говорили в рупор, — и рассеял возникшую между ними неловкость. Потом послышался грохот каких-то жестяных предметов, летящих вниз. Женщина поднялась, чтобы ответить.

Он почувствовал раздражение: за его спиной происходило что-то непонятное.

— В чем дело? Значит, здесь еще кто-то есть!

— Не нужно, прошу вас... — Женщина сжалась вся, как от щекотки.

— Но ведь только сейчас кто-то сказал: «Еще для одного».

— А-а-а. Это... Это они о вас.

— Обо мне?.. Какое отношение я имею к лопате?..

— Ничего, ничего, не обращайтесь внимания... Вечно они суются не в свое дело...

— Наверно, они просто ошиблись?

Однако женщина не ответила и, повернувшись на коленях, спустила ноги на земляной пол.

— Вам еще нужна лампа?

— Пожалуй, обойдусь... А вам она там не понадобится?

— Да нет, работа мне эта привычна.

Надев большую соломенную шляпу, в каких обычно работают на поле, женщина скользнула в темноту.

Мужчина закурил новую сигарету. Вокруг творится что-то необъяснимое. Встал и заглянул за циновку. Там действительно была комната, но вместо постели возвышалась горка песка, набившегося сквозь щели в стене. Он застыл, пораженный...

СОДЕРЖАНИЕ

Женщина в песках. <i>Перевод В. Гривнина</i>	5
Человек-ящик. <i>Перевод В. Гривнина</i>	161
Совсем как человек. <i>Перевод А. Стругацкого</i>	297
Чужое лицо. <i>Перевод В. Гривнина</i>	403

Абэ К.

А 17   Женщина в песках. Лучшее : романы, повесть / Кобо Абэ ; пер. с яп. В. Гривнина, А. Стругацкого. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 608 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-18138-0

Кобо Абэ — один из самых блистательных японских писателей и вместе с тем один из самых загадочных. Его книги читают по всему миру, по ним снимают фильмы и ставят спектакли. Своеобразный, парадоксальный мир, воплощенный в творчестве Абэ, волнует, удивляет и ставит в тупик. Недаром другой известный японский автор Кэндзабуро Оэ назвал Абэ крупнейшим писателем за всю историю литературы.

В настоящее издание вошли три самых известных романа Кобо Абэ: «Женщина в песках», «Человек-ящик», «Чужое лицо», а также повесть «Совсем как человек» в переводе известного писателя-фантаста Аркадия Стругацкого.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Литературно-художественное издание

КОБО АБЭ

ЖЕНЩИНА В ПЕСКАХ

Лучшее

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Елена Шнитникова, Татьяна Бородулина,
Валерий Камендо

Подписано в печать 22.09.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака Иностранка®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ILN-26717-01-R